

№ 61.
ЕЖЕНЕДЪЛНО.
1915 г.

XVI, 49580, 102
1-й отд.
ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 К.
ПЕТРОГРАДЪ.
ОКТАБРЬ

Французскій мальчикъ-герой, вернувшися съ фронта и уже оправившійся отъ раны.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей Россіи:
 на годъ . 4 р. — к.
 „ 1/2 года 2 „ — „
 „ 1 мѣс. — „ 30 „
 Перем. адреса 25 к.
 Напринятые рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Тарифы объявлений:
 За строку непара-
 рели въ 1 стол-
 бецъ:
 (1/4 шир. стран.)
 впер. тиража . 30 к.
 позѣмъ „ . 60 „
 Постоянные заказы по
 соглашенію.

№ 61 — 1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. Октябрь.

Развѣдка.

Разсказъ Я. Огунева.

Стояли мы въ то время въ Галиціи, у мѣстечка М. Погода на рѣдкость была хорошая, ночи короткія, быстролетныя, свѣтлыя, даромъ что августъ мѣсяцъ былъ уже на исходѣ. Не успѣетъ заря угаснуть, какъ новая на востокъ алѣется. А по ночамъ на небѣ звѣзды, братцы мои, сколько звѣзды! Ровно макъ золотой на синемъ полѣ разсыпали.

Хорошо было бы этакъ, да скучища собачья. Мѣсто ужъ было такое проклятое! Пришли мы въ мѣстечко—ни души. Дома стоятъ растворенныя, и лавченки и все, а жителей—ни собаки: по лѣсамъ разбѣжались, спрятались. Потомъ начали они по одиночкѣ выползать изъ норъ своихъ. Придутъ, увидятъ, что стоятъ себѣ солдатики, ничего не трогаютъ, стоятъ тихо, благородно, ну, и назадъ къ своимъ. А къ вечеру, смотришь, уже двое пришли, а тамъ больше, больше, и опять вскорости населились дома, лавченки открылись, торгуютъ. Стало какъ будто полегче: все же народъ живой кругомъ, а не мертвые пустыя дома. Однако, все какъ-то не по себѣ: мимо стоянки нашей, по шоссе, идетъ войско: сначала пѣхота, артиллерія, а тамъ казаки проѣхали. Идутъ съ пѣснями, весело въ дѣло идутъ, а мы на мѣстѣ стоимъ да чаями пробавляемся—досадно! Поручикъ Васильковъ—мы его больше Оленькой звали: молоденькій, зеленый, совсѣмъ дѣвченка, и краснѣетъ, какъ дѣвица, и губки малиновыя—поручикъ мой сталъ даже по ночамъ пропадать, паненку приглядѣлъ себѣ, сидитъ съ ней подъ яблоней надъ озеромъ и шепчется по ихнему, по-польски: «пше» да «кше».

— Гдѣ же вы, сударь мой, ночевали?—спрашиваю.

А онъ молчитъ, да краснѣетъ.
 Словомъ, совсѣмъ вродѣ какъ бы въ лагеряхъ стоимъ. А тамъ бой идетъ, кровь льется, умираютъ. Ну, скажите, не гнусно развѣ въ такое время стоять на мѣстѣ, да въ шестьдесятъ шесть съ Николаемъ Андреичемъ, съ ротнымъ, рѣзаться?

Однако, Богъ помогъ: получаю отъ командира приказъ:

— Такъ и такъ, Сергѣй Петровичъ, возьмите вы, сударь, людей да пошарьте въ лѣсу по ту сторону озера. Тамъ, говорятъ, неприятельскіе развѣзды показались.

Развѣдка, значить. И то ладно.
 Собралъ я на закатѣ людей, вижу, идетъ Оленька.

Самъ не свой: парень, губы малиновыя дрожатъ, въ глазахъ слезы.

— Что же,—спрашиваетъ,—меня вы съ собою не возьмете?

— Куда вамъ, Оленька,—отвѣчаю.—Молоды вы еще, успѣете. Это дѣло опасное, серьезное. Ни за что пропадешь.

— Нѣтъ, ужъ вы какъ тамъ себѣ хотите, а взять меня должны. Милый, дорогой, Сергѣй Петровичъ, не откажите. Не забуду я васъ,—говоритъ.

А самъ-то дрожитъ, самъ-то чуть не плачетъ.

— Ну, ладно,—говорю,—попрощайтесь съ вашей Юзей и айда!

Я человекъ старый, волкъ матерой, нѣтъ у меня ни дѣтей, ни жены, ни кола, ни двора. Одинокій человекъ. Трубку свою люблю, кашу родную обожаю, къ солдату слабость имѣю, коли молодецъ шагаетъ, да стрѣльбу знаетъ—и больше никого и ничего.

Что же касается Оленьки, то этотъ—особая статья. Какъ такую дѣвчонку, милягу такого не любить? Нѣжный онъ такой, фарфоровый, тонкій, на взбитыхъ сливочкахъ выросъ—развѣ можно такого не жалѣть? Пропадетъ ребенокъ, ежели не такъ что-нибудь, а особенно среди насъ, армейскихъ: такой ужъ мы народъ, суровый народъ—дратвой шиты.

Четверти часа не прошло—прибѣжалъ Оленька. Сіяетъ.

— Справился?

— Справился,—говоритъ.

— Ну, ладно, съ Богомъ!

Ночь случилась темная, дождливая. Злющій въ теръ воетъ, кусается, словно собака съ цѣпи сорвалась. Пять верстъ по колѣно въ болотѣ отмахали, промокли, продрогли.

— Вамъ не холодно, поручикъ?—спрашиваю.

Этакъ нарочно официальнымъ тономъ спросилъ, чтобы не вообразилъ, что я съ нимъ нянчиться стану.

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, хорошо мнѣ.

Восторженный у парня видъ, и голосъ звенитъ.

Чувствую въ голосѣ его гордость, что вотъ, дескать, Богъ послалъ настоящее дѣло. А лицо его, вижу, поблѣднѣло: екаетъ все-таки, должно быть, у парня сердце, да стыдно самому себѣ признаться. Дѣло знакомое—не проведешь. Самъ въ двухъ кампаніяхъ былъ, не однажды подъ пулями, въ мысляхъ, молился: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его». Съ неприязнкой необстрѣлянному страшно.

Вошли мы въ лѣсъ. Темно—ни зги. Вокругъ ели лапчатые стоятъ. Березки во тьмѣ шепчутся, шуршитъ что-то. Можетъ быть, дождикъ, а, можетъ быть, Богъ знаетъ что. И вдругъ—трахъ! Треснуло что-то.

— Лечь!

Прилегли въ кустахъ, не шевелимся. Этакъ съ полчаса лежали, слушали: тихо. Только на ноги—опять трескъ по лѣсу пошелъ, да какой! Ровно десятокъ медвѣдей напроломъ лѣзутъ, по валежнику, косолапые, пруть.

Шепнулъ ефрейторъ людямъ:

— Не курить! Гасите!

Петрюковъ, хорошій солдатъ, исполнительный—выругался даже:

— Ховается, черятка, ѣшь его мухи. Ну-ка, вылазы!

Поползли на животахъ по сырой травѣ. Чуть слышно оружіе звякало, задѣвая камни, да пыхтѣлъ толстый ефрейторъ.

— Ребенка рожаетъ, что ли?—спрашиваю.—Чего сопнешь, словно самоваръ тульскій?

Затихъ.

Доползли мы до оврага. Свѣтлѣе стало. Деревья разступились въ этомъ мѣстѣ, и небо немного очистилось.

Вижу, унтеръ Хвостовъ ко мнѣ ползетъ.

— Что? Въ чемъ дѣло?

— Онъ храпитъ.

— Кто—онъ? Говори толкомъ.

— Онъ, австріякъ—то-есть.

— А ты по чемъ знаешь, что онъ храпитъ?

— Слышно, ваше в—дѣ.

Вслушался я. Сначала ничего не почувялъ, а потомъ, дѣйствительно, совсѣмъ близко, справа, слышу шорохъ этакой, какъ будто бумагой шелестить.

— Петрюковъ! Осторожно полѣзай впередъ, узнай, кто тамъ и сколько ихъ.

— Слушаю!

Потонулъ въ темнотѣ Петрюковъ. Нѣту его.

Ждемъ четверть часа и больше. Петрюкова нѣтъ.

А время, какъ на зло, едва ползетъ.

Ну, думаю, пропалъ солдатъ. Даже выругался я: жалко чело-вѣка.

— Эка разиня какая! Баба, а не солдатъ.

Вдругъ вижу — фигура. Вскочилъ я отъ неожиданности.

— Кто?

— Я, ваше в—дѣ.

— Тьфу! Ну, что?

— Спятъ, ваше в—дѣ. Почиваютъ.

— Сколько ихъ—узналъ?

— Точно такъ. Человѣкъ тридцать да три лошади.

— Часовые разставлены?

— Одинъ. Гы!—смѣется.

— Чего смѣешься?

— Смѣшно, ваше в—дѣ. Часовой ихній, растяпа-парень.

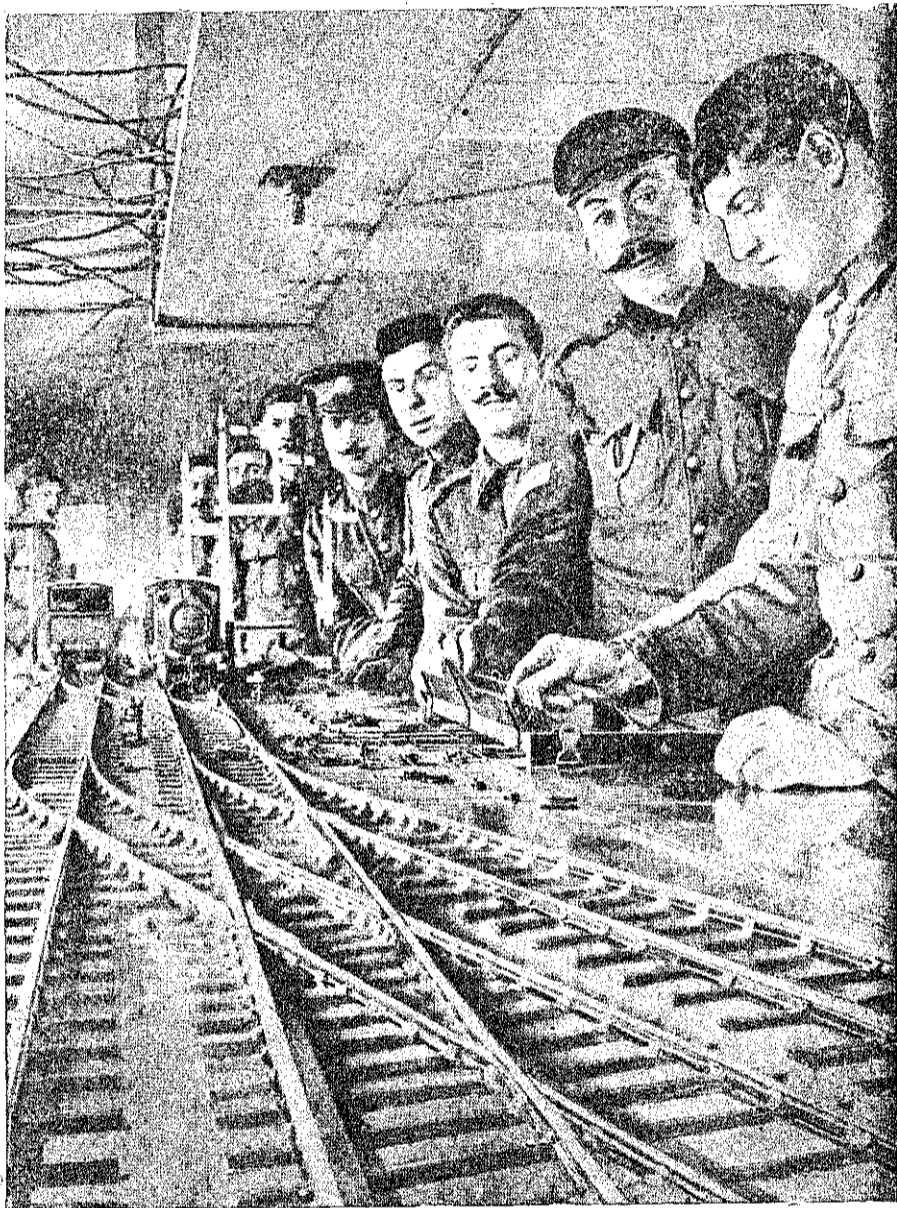
— Именно?

— Я подлѣ его проползъ, а онъ ничего не слыхаль, звѣзды считаль.

— Какъ это звѣзды считаль?

— На небо смотреть и сопить. Они, нѣмцы, всѣ, какъ есть, звѣздочеты.

— Сергѣй Петровичъ, дорогой,—зашепталъ Оленька.—А что, если бы намъ ахнуть на нихъ? А?

Наглядное обученіе солдатъ англійскихъ желѣзнодорожныхъ батальоновъ военно-желѣзнодорожному дѣлу.

Весь дрожитъ Оленька и жаромъ отъ него пышетъ. Эхъ, молодость, молодость!

Подумалъ я, взвѣсилъ обстоятельства:—отчего бы не ахнуть?

— Вотъ что,—сказалъ я своимъ людямъ,—насъ, братцы, восемнадцать человѣкъ, а ихъ штукъ тридцать будетъ. Ну-ка, впередъ. Но чуръ—не стрѣлять, не шумѣть. Бери штыкомъ, лупи прикладомъ, хватай живьемъ. Да часового напередъ снять безъ шума.

И что это случилось, братцы мои! Вѣтеръ ли под-

Лондонъ въ дни войны. Свадьба веселаго инвалида.

хватилъ насъ, волна ли взметнулась и насъ бросила на врага, вдвое сильнѣйшаго. Часовой не пикнулъ, такъ и сбѣлъ на бугорокъ, ружья изъ рукъ не выпускающая, проколотый штыкомъ. Растерялись, застались австрійки. Ружья въ пирамидахъ возлѣ стоятъ, а они не знаютъ, гдѣ что. По лѣсу мечутся, кричатъ:

— Die Russen! Die Russen!

ей... Дай вамъ Богъ... дай Богъ бить врага.

Вытянулся Оленька, вздрогнулъ и замеръ.

Сняли мы фуражки. А мнѣ къ сердцу подступило. Сжалъ я крѣпко кулаки, погрозилъ я темному за-паду:

— Ну, ужъ погоди, нѣмчур! Эхъ!

Я. Окуневъ.

Ефрейторъ, вижу, дупить по башкѣ прикладомъ здороваго дѣтина, сопить и бранится:

— То то, чортъ плѣшивый! Будешь ты помнить кузькину матъ!

Десяти минутъ не прошло, какъ все было кончено. Двадцать человекъ австрійцевъ было убито, восемь взято въ плѣнъ, остальные бѣжали въ лѣсъ чуть-ли не въ однихъ, простите, подштанникахъ.

Ищу глазами Оленьку. Нѣтъ его нигдѣ.

— Гдѣ поручикъ?

Показываютъ:

— Вотъ.

Лежитъ Оленька подъ сосною, дрожитъ мелкой дрожью. Заколось его, мальчика, проклятый австріецъ.

Я наклонился надъ нимъ.

— Умираю, — шепчетъ. — Вотъ здѣсь, въ боковомъ карманѣ... Разстегните... Засушенная роза... Отъ Юзи. Пошлите

Рѣзня армянъ на побережь Чернаго моря.

Спасшійся чудомъ изъ Трапезунда, одинъ изъ бѣженцевъ армянъ, Вартагъ Мосесовъ, сообщаетъ слѣдующее:

Турками вырѣзано все армянское население на черноморскомъ побережьѣ, отъ Трапезунда до Константинополя. Турецкое правительство издало указъ, чтобы армяне въ Трапезундѣ приготовились выѣхать въ Себастию въ 8-дневный срокъ, оставивъ въ городѣ женщинъ и дѣтей. Армяне пришли въ полное отчаяніе и просили оттоманскихъ властей пощадить ихъ; кромѣ этой просьбы, армяне обратились съ мольбою въ патриархатъ, а равно и къ мѣстному американскому консулу и греческому митрополиту, которые въ свою очередь, обратились къ турецкому правительству и приложили всѣ усилія, чтобы спасти армянъ. Все население въ теченіе нѣсколькихъ дней осаждало резиденцію вали, въ надеждѣ, что вали сжалится надъ ними.

Богачъ К. Арабянъ предложилъ вали все свое состояніе съ просьбой спасти армянъ и... на все это послѣдовалъ отвѣтъ:

— Ничего не могу сдѣлать.

Въ назначенный день власти стали забирать армянъ. Ихъ группами сажали въ лодки и, подъ предлогомъ отправки въ Себастию черезъ Самсунъ, доставили на мысъ Чомозъ, гдѣ перебили всѣхъ и трупы бросили въ море.

Остальныхъ армянъ вывели (группами) изъ города, по дорогѣ всѣхъ перерѣзали и зарыли въ ямахъ, при этомъ, конечно, не считались съ тѣмъ, что въ числѣ зарываемыхъ имѣются и живые... Истребивъ мужчинъ, турки взялись за истребленіе женщинъ.

Послы, греческій митрополитъ и итальянскіе монахи вновь просили вали пощадить хотя бы дѣтей и передать послѣднихъ на ихъ попеченіе.

Вали на это далъ согласіе, съ условіемъ представить ему списокъ дѣтей. «Тогда, — по словамъ армянской газеты «Оризонъ», — греческій митрополитъ и итальянскіе монахи собрали дѣтей въ зданіи монастыря, при чемъ несчастныя матери несчастныхъ дѣтей передали монахамъ всѣ свои украшенія на содержаніе своихъ дѣтей».

Собравши всѣхъ женщинъ, турки погнали ихъ въ Себастию и по дорогѣ вырѣзали.

Однако, турки не ограничились этимъ: по имѣющимся спискамъ, власти собрали (отъ монаховъ) всѣхъ дѣтей и, подъ предлогомъ содержанія ихъ въ казенныхъ пріютахъ и школахъ, раздѣлили всѣхъ сиротъ между собою... Цѣль ясна: обращеніе въ исламъ!

Затѣмъ турки стали обыскивать опустѣвшіе армянскіе дома, грабя и опустошая ихъ. Если удавалось найти скрывшихся, ихъ убивали. Нѣкоторыхъ армянскихъ дѣвушекъ оттоманскіе звѣри увели въ свои логвища...

Это — въ Трапезундѣ. Точно такъ же поступили турки и съ армянскими крестьянами въ окрестныхъ селеніяхъ: истребили всѣхъ, хозяйства ихъ предали грабежамъ и огню. Лишь крестьяне селенія Шаги, среди которыхъ былъ и Вартагъ Мосесовъ, оказали вооруженное сопротивленіе, при чемъ уцѣлѣло всего человекъ десять, которые ушли въ горы.

Епархіальнаго начальника Трапезунда турки сослали въ Эрзерумъ и тамъ убили.

Первоначально ходили слухи о томъ, что армяне католики (и протестанты) будутъ освобождены тур-

ками, но впоследствии вышел приказъ объ истребленіи всѣхъ, носящихъ армянскія имена.

Впрочемъ, нѣкоторымъ армянамъ-чиновникамъ—было разрѣшено бѣжать въ Самсунъ, но въ открытомъ морѣ ихъ потопили...

Той же участи подверглись армяне и въ Карасинѣ, что подтверждается однимъ изъ консуловъ этого города.

Истребленіе армянъ было организовано центральнымъ турецкимъ правительствомъ.

КОТЯ ДОМОГАРОВЪ.

Похоронили талантливаго молодого автора Константина Домогарова, убитаго на войнѣ.

Трогательную рѣчь сказалъ надъ его гробомъ батюшка о геройски павшемъ воинѣ Константинѣ. Плакали провожавшіе и говорили:

— Бѣдный Котя! Бѣдный, бѣдный Котя!

Котя былъ очень талантливый актеръ, съ яркимъ комическимъ дарованіемъ, первый въ своемъ выпускѣ. Какъ великолѣпно игралъ онъ кадетовъ, гимназистовъ, всякихъ смѣшныхъ мальчишекъ. И глядя, какъ онъ уплетаетъ на сценѣ булку съ колбасой, никому и въ голову не приходило, что судьба заставитъ его сыграть такую серьезную роль, роль «воина Константина», и что онъ такъ великолѣпно съ ней справится.

Англичане въ Бельгій. Современная бытовая картина.

(Фотографія англійскаго корреспондента).

Одна изъ формъ нѣмецкаго шпіонажа.

«Le petit Journal» передаетъ со словъ одного офицера интересныя данныя объ организаціи нѣмецкаго шпіонажа.

Въ одномъ крупномъ городѣ, находящемся невдалекѣ отъ западной границы Франціи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поселился одинъ фотографъ, который, благодаря низкому цѣнамъ, очень скоро приобрѣлъ обширную клиентуру среди офицеровъ гарнизона, которые поручали ему проявленіе и печатаніе снимковъ, которые они дѣлали въ окрестностяхъ города, а также заказывали фотографіи для удостовѣренія личности.

Этотъ фотографъ былъ нѣмецкій подданный, который, какъ выяснилось впоследствии, состоялъ на

службѣ въ бюро шпіонажа, куда и отсылалъ регулярно всѣ клише.

Когда французскій офицеръ отправлялся за границу по служебнымъ надобностямъ, его узнавали, благодаря фотографіи, и слѣдили за нимъ для выясненія порученной ему миссіи.

Снимки окрестностей отправлялись въ топографическое отдѣленіе, которое пользовалось ими для своихъ цѣлей.

Каждый годъ билеты, выдаваемые для удостовѣренія личности офицеровъ, мѣняются: старые вмѣстѣ съ новой фотографической карточкой отсылаются въ военное министерство для наклейки на новые.

Старые билеты для удостовѣренія личности бросались въ корзину.

Подъ предлогомъ составленія коллекціи фототрафій, или подъ другимъ благовиднымъ предлогомъ, нѣмецкіе шпіоны скупали у сторожей, которые ничего плохого не подозревали, старые фотографіи и билеты.

Эти удостовѣренія отсылались въ Берлинъ, гдѣ поступали въ бюро шпіонажа и гдѣ они тщательно сортировались.

Благодаря такого рода дѣятельности, въ Германіи всегда были точно освѣдомлены обо всѣхъ передвиженіяхъ во французской арміи и знали въ лицо всѣхъ военныхъ, что еще болѣе облегчало шпіонажъ за ними.

Знаменитый корсар Луи де-Фонвьель.

(Съ рисункомъ).

Луи де-Фонвьель родился въ 1655 году въ вандейскомъ городѣ Туарѣ.

Его родной дядя былъ губернаторомъ въ Сентъ-Кристофѣ, основанной флибустьерами колонии.

Дядя вызвалъ молодого племянника къ себѣ, чтобы дать ему въ команду корсарскій корабль.

Съ этимъ кораблемъ молодой корсаръ очень скоро отличился, и

стѣ было тогда всего двадцать два года!

За свои дѣйствія противъ испанскаго флота Фонвьель въ 1679 г. былъ награжденъ чиномъ лейтенанта королевскаго флота и получилъ отъ министерства порученіе оказать содѣйствіе королевской эскадрѣ для взятія Картахены, богатаго испанскаго города въ Южной Америкѣ.

Къ очерку «Знаменитый корсаръ».

дядя далъ ему еще болѣе важное порученіе — руководить дѣйствіями французскихъ корсаровъ въ водахъ Вестъ-Индіи, не компрометируя короля, который негласно поддерживалъ корсаровъ.

Не объявляя своихъ полномочій официально, Луи де-Фонвьель сумѣлъ внушить корсарамъ такое уваженіе къ себѣ, что они слушались его беззастенчиво.

А, между тѣмъ, юному авантюри-

Французская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Пуанти, соединилась въ Санъ-Доминго съ шестью корсарскими кораблями Фонвьеля, и обѣ эскадры пошли къ Картахенѣ.

3 апрѣля 1697 г. соединенная эскадра, въ составѣ 30 большихъ и малыхъ судовъ, появилась передъ городомъ.

Тогдашняя Картахена стояла на песчаной косѣ и была защищена съ моря крѣпостью Боккачичве и

другими фортами, серьезно преграждавшими къ ней доступъ.

Фонвьель предложилъ адмиралу Пуанти употребить для взятія города корсарскій способъ, а именно: высадить отрядъ внѣ района выстрѣльности съ укрѣпленій и штурмовать городъ съ суши.

Пуанти принялъ совѣтъ.

Корсары высадились и въ этотъ самый моментъ увидели, что испанскій губернаторъ посылаетъ галіотъ съ 300 солдатами для усиленія гарнизона въ Боккачичве.

Бросившись въ первыя попавшіяся лодки, корсары напали на галіотъ, взяли его на бордажъ и перебили всѣхъ бывшихъ на немъ испанцевъ.

Пользуясь паникой, происшедшей вслѣдствіе этого случая въ городѣ и въ крѣпости, корсары заняли позицію между Боккачичве и Картахеной и начали штурмовать стѣны крѣпости подъ страшнымъ огнемъ съ фортовъ.

Устрашенный гарнизонъ сдался на капитуляцію.

Адмиралъ Пуанти немедленно вступилъ въ крѣпость и направилъ ея пушки на Картахену.

Лишь только въ городской стѣнѣ была пробита первая брешь, корсары воспользовались ею, чтобы ворваться въ городъ.

Поддержанные солдатами, высланными имъ на помощь адмираломъ Пуанти, они произвели страшное опустошеніе среди испанцевъ, которые едва успѣли отступить за вторую ограду.

Но положеніе осажденныхъ было настолько безнадежно, что они поспѣшили вступить съ адмираломъ въ переговоры, соглашаясь слѣдствовать на какихъ угодно условіяхъ, но только ему, а не корсарамъ.

Пуанти имѣлъ свои причины быть великодушнымъ.

Гарнизону онъ согласился предоставить воинскія почести, а на жителей наложилъ контрибуцію въ тридцать милліоновъ франковъ.

Корсарамъ онъ выдѣлилъ изъ добычи лишь самую незначительную часть, такъ что они едва не взбунтовались.

Фонвьель стоило большого труда ихъ успокоить.

— Первому, кто осмѣлится покуситься на королевскіе корабли, — сказалъ онъ, — я прострѣлю банку. Намъ вѣтъ никакого дѣла до капитуляціи, заключенной городомъ съ адмираломъ. Мы въ ней не участвовали, а отъ нашего имени никто, кромѣ насъ, не имѣетъ права договариваться. Дайте только уйти

эскадрѣ, мы сумѣемъ взять съ жителей контрибуцію и для себя самихъ.

Корсары разомъ укротились.

Какъ только королевскіе корабли ушли, Фонвьель потребовалъ съ города большой выкупъ.

При всей своей малочисленности, корсары внушали всюду такой ужасъ, что требованіе Фонвьеля было немедленно исполнено, и корсары нагрузили свои корабли огромной добычей.

Картахена долго не могла оправиться послѣ такого жестокаго удара.

Фонвьель вскорѣ погибъ въ время одной изъ своихъ экспедицій.

КАКЪ ОТДАЮТЪ ЧЕСТЬ АНГЛІЙСКІЕ СОЛДАТЫ.

Кому приходилось долго жить въ Англии, тотъ не могъ не замѣтить, что англійскіе солдаты отдають высшимъ военнымъ чинамъ честь то одной, то другой рукой. Происходитъ это оттого, что правила приличія въ Англии требуютъ не закрывать лица отъ того, кому отдають честь. Поэтому если офицеръ идетъ по правую сторону солдата, послѣдній отдаетъ честь лѣвой рукой, если же офицеръ находится слѣва, солдатъ отдаетъ честь правой рукой.

Солдатъ и дѣвушка.

Картина знаменитаго польскаго баталиста В. Коссака.

Боевая впечатлѣнія.

ДУХЪ ЖИЗНИ.

Камо уйду отъ лица Твоего, Господи?

Есть одна картина — не помню чья, — которая изображаетъ Христа на полѣ битвы. Въ терновомъ вѣнцѣ, съ мукою божественнаго состраданія въ глазахъ, Онъ наклонился надъ тѣлами воиновъ, только что сражавшихся въ жестокой схваткѣ, въ злобѣ и ненависти крошившихъ другъ друга ударами мечей, а теперь примиренныхъ смертью. Бѣлая одежда Спасителя коснулась одного изъ воиновъ. Воинъ, еще не умершій, открылъ глаза и смотритъ на Спасителя съ тихимъ восторгомъ — примиренія и покоя...

Эту картину, отчасти, можетъ быть, дополненную моимъ воображеніемъ, я вспомнилъ съ необыкновенной яркостью при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Намъ однажды дали роздыхъ подлѣ полуразрушеннаго имѣнія галиційскаго магната, графа Замоискаго. Вокругъ этого имѣнія въ продолженіе четырехъ дней происходилъ упорный бой. Усадьба нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Нашъ полкъ стоялъ въ резервѣ, потомъ насъ двинули въ бой, но когда мы пришли, надобность въ насъ миновала: австрійцы были разбиты и отошли къ Р...

Мы пришли поздно ночью и сдѣ-

лали привалъ. Солдаты были утомлены труднымъ переходомъ по болотамъ и обледѣлымъ холмамъ и, не разбивъ палатокъ, завалились спать кто-куда. Въ походѣ сонъ чутокъ. Спишь и въ то же время слышишь малѣйшій шорохъ, шопотъ подлѣ тебя, дуновеніе вѣтерка. Снятся сны, чаще всего кошмарные. Въ ухахъ гудятъ отзвуки недавняго боя: чудится канонада, трескъ разрывовъ, команда, стоны, крики, смѣшанный гулъ тысячъ голосовъ, ржаніе коней, свистъ и то склирое пѣніе пулеметныхъ горшинъ, и знаешь, что это слуховой миражъ, фуга, но безвольно отдаешься вновь переживаемому отраженію боя. Товарищи кричатъ со сна, скрежещутъ зубами, кто-то молится во снѣ, кто-то поетъ. Нервы напряжены до крайняго предѣла.

— Ура-а! — кричитъ во снѣ Мак-

ВОЙНА ВЪ СИМВОЛИЧЕСКИХЪ КАРТИНАХЪ.

Смерть-предводитель.

сютювъ. — Бей, ломи, круши, ребята!

— Землицей присыпь, землицей рану-то, землицей, говорю, — бормочетъ кто-то другой.

— Зиночка, если я уцѣлѣю... — во снѣ обращается къ своей невѣстѣ бывший техникъ Поликарповъ.

Нѣсколько тысячъ солдатъ спятъ и всѣ бредятъ во снѣ. Надъ лагерьмъ стоитъ стонъ, страшный, прерывистый, стонъ здоровыхъ, но нервно напряженныхъ людей, стоитъ до поздней ночи, пока не одолѣетъ крѣпкій сонъ, пока усталое забытье не прогонитъ сновидѣній.

Я не спалъ. Меня все время занимало странное густое жужжаніе, похожее на гудѣніе пчелъ въ потревоженномъ ульѣ, доносившееся съ поля, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ происходилъ бой. То

гуце и пуце, то тоньше и ярче, визгливѣе, звучало это жужжаніе, и походило это на то, какъ будто и лѣсъ, и холмы, и земля, и каждая кочка поютъ:

— У-у-у!

А потомъ:

— Пи-и-и!

— Что это? Что это такое? — спросилъ Поликарповъ, который проснулся и такъ же, какъ я, прислушивался къ тревожному жужжанію.

Я не зналъ, что это, но это было страшнѣе боя, страшнѣе атаки.

Солдатъ Максютювъ, здоровенный мужикъ-пензенецъ, съ золотую бородою, и сѣрыми мягкими глазами, тоже привсталъ и, прислушавшись, сказалъ:

— Земля плачетъ, братцы мои.

Кровь на ей плачетъ, у Господа Бога прощенья молить.

И, помолчавъ, добавилъ:

— Старичекъ одинъ у насъ есть. Старой вѣры человекъ. Дыкъ онъ баялъ, будто такъ: будто послѣ сраженія души убитыхъ по полю бродятъ-ходятъ, свою кровь собираютъ. А послѣ съ этой кровью своей ко Христу летятъ. Ко Христу летятъ и гудутъ: «Вотъ, Господи, наша кровь-кровинушка. Нѣту въ ней, Господи, никакой злобы и люлости. Дрались мы, Господи, безъ злости, а любя врага и съ молитвою». И каждая душа такъ кричитъ, а апостоль открываетъ райскія ворота. «Эй, идите сюда, съ молитвою за свою мать-родину смерть пріявшіе! Идите, съ любовью животъ свой положившіе!» Вотъ что баялъ старикъ древней вѣры.

— Кровь свою пролить — святое дѣло — отозвался изъ темноты ефрейторъ Ликинъ. — Христось какія страсти терпѣлъ. И намъ нелѣлъ. Правду сказалъ твой старикъ, Максютювъ.

— Къ веснѣ, поди, замореньебудетъ, — откликнулся еще кто-то. — На Пасху дома будемъ.

— Кто ее знаетъ. Не намъ это знать.

Слышь, ребята, слышь — еще.

Опять пѣло что-то за лѣсомъ, еще пронзительнѣе и тягучѣе:

— Пи-и-и!

Мимо насъ пронесли къ полуразрушенному дому, превращенному въ лазаретъ, носилки. Однѣ, другія, третьи...

— Ай! — крикнулъ вдругъ Ликинъ, лежавшій съ краю. — Это что? Кто здѣсь?

— Съ нами крестная сила! Кто такой это? — крикнулъ еще кто-то.

— Сѣрниковъ дайте. У кого спички. Зажги огонь.

Вспыхнулъ дрожащій огонекъ и освѣтилъ Ликина. У его ногъ лежало что-то безформенное. Потомъ очертанія выступили яснѣе. Это былъ молодой, рослый нѣмецъ съ широкой зіяющей раной на лбу. Глаза его были закрыты, каска повисла на ремешкѣ и открывала его

лобъ, руками онъ крѣпко уцѣпилъ за ногу Ликина, и изъ его открытаго рта вырывалось то самое, тоскливое «пи-и-и», или «и-и-и», которое мы слышали прежде. Видимо, бѣдняга проползъ безъ сознанія тѣ нѣсколько десятковъ сажень, которыя отдѣляли поле отъ нашего привала, и теперь хрипѣлъ:

— Tri-in-ken!

— Ахъ, сердяга, сердяга! — сказалъ, наклонившись надъ нѣмцемъ. Максютювъ. — Давайте-ка, братцы, сюда флягу. Живо, чего тамъ пугаешься! Вишь, человекъ страдаетъ.

Максютювъ влилъ нѣмцу въ ротъ воду. Тотъ жадно проглотилъ ее и, не открывая глазъ, застоналъ.

Ликинъ вытащилъ свой индивидуальный пакетъ и, смочивъ марлю въ водѣ, приложилъ нѣмцу ко лбу. Тотъ открылъ глаза, посмотрѣлъ вокругъ и снова закрылъ ихъ.

На лицахъ обступившихъ нѣмца солдатъ было непередаваемое словомъ выраженіе. Это была и жалость, и боль, и ужасъ, и состраданіе, и чистый, хороший, до слезъ трогаящій струны сердца, порывъ любви.

Нѣмецъ вздрогнулъ и захлипалъ, какъ будто заплакалъ. И точно: изъ подъ рѣсницъ его покатались слезы.

— Ну, чего ты, чего, дурачекъ, — сразу заговорило нѣсколько голосовъ. — Богъ тебя привелъ, братецъ, Богъ и спасетъ.

— Боится онъ, — сказала Ликинъ,

— Не бойсь, парень, — положивъ

свою большую, корявую руку на плечо нѣмцу, проговорилъ Максютювъ и продолжалъ, — нарочно коверкая слова, думая, что такъ нѣмецъ его легче пойметъ. — Твоя Христу молится, и моя Ему молится. Не звѣри, чай, а люди. Не будетъ тебѣ ничего худого. Моя твоя жалѣетъ. Понимаешь?

ВОЙНА ВЪ СИМВОЛИЧЕСКИХЪ КАРТИНАХЪ.

Вѣрный спутникъ.

ВОЙНА ВЪ СИМВОЛИЧЕСКИХЪ КАРТИНАХЪ.

Война.

Картина Шнейдеръ

— Что здѣсь такое? — спросилъ подошедшій полуротный.

— Да вотъ, ваше б-діе, нѣмецъ у насъ раненый, такъ мы его оживаемъ.

— Нѣмецъ? Какой нѣмецъ? Откуда?

— Не можемъ знать, ваше б-діе. Должно, Богъ привелъ его, потому не въ себѣ парень. Мы и полагаемъ: пожалѣть надо.

— Такъ что дозвольте, ваше б-діе, — попросилъ Максютювъ, все еще держа руку на плечѣ нѣмца.

Поручикъ наклонился къ нѣмцу, осмотрѣлъ его и послалъ за санитарями. Нѣмца перевязали, привели въ чувство и понесли въ лазаретъ.

— Прощай Карлъ Ивановичъ, прощай, душа, ужо увидимся, — провожали его солдаты.

Но, видимо, эта ночь была какая-то особенная. Не прошло и получаса послѣ того, какъ унесли нѣмца, какъ вдругъ въ сторожевомъ пунктѣ начались не то перебранка, не то переговоры съ кѣмъ-то. Громкій разговоръ перешелъ въ галдежъ, заспорили нѣсколько голосовъ, кто-то отвѣчалъ имъ польски въ родѣ:

Война въ Африкѣ. Побѣдители и побѣжденные.

— Не вѣмъ, пане, не вѣмъ.

Уже разсвѣтало. Въ голубоватомъ полусумракѣ видны были двѣ конныя расплывающіяся фигуры, изъ которыхъ одна энергично размахивала руками, а другая наклонилась къ лукѣ, видимо, пытаясь дать лошади шпоры. Подлѣ конныхъ стояли наши часовые, человекъ четыре, и загоразивали имъ дорогу винтовками.

— Вѣмъ или не вѣмъ,—кричалъ одинъ изъ часовыхъ,—о томъ начальство знаетъ. Разберутъ, братъ. Може разстрѣляютъ, а може и помилуютъ. Веди ихъ къ командиру, Исаченко.

— Красный Крестъ!—закричалъ другой часовой.—А я почему знать должонъ, когда ни эги, скажемъ, не видать. Я стрѣлять должонъ. Съ насъ тоже взыскиваютъ. А отпустить—это шутишь, это мы никакъ, нѣтъ, не можемъ.

— Красному Кресту развѣ полагается на посты прать? Знаемъ мы! Только для видимости съ крестомъ ѣздютъ, а на дѣлѣ оно Богъ ѣ знаетъ что!

Исаченко, ворча и отплевываясь, провелъ конныхъ австрійцевъ, напоровшихся на нашъ сторожевой обходъ, къ начальству. Австрійцы,

дѣйствительно, имѣли на рукавахъ повязки Краснаго Креста.

Спустя четверть часа, Исаченко вернулся, замѣтно смущенный и озадаченный.

— Въ чемъ дѣло, Исаченко?—спросили его солдаты.

— Кто ѣ пойметъ! Одинъ полякъ, а другой жидъ, и оба—двое австрійки. Врутъ, будто бинтовъ у нихъ не хватило, а раненыхъ страсть сколько: полторы тысячи. Ъздили, говорятъ, за бинтами въ П.; гдѣ ихній санитарный пунктъ. А пунктъ сгорѣлъ, и ничего тамъ нѣтъ. Имъ, хотъ тресни, бинтовъ нѣдо. Вотъ они за бинтами къ намъ приперли.

— Врутъ! Чего другое имъ нужно было,—увѣренно сказалъ Ликинъ.

Подошелъ прапорщикъ В. и подтвердилъ разсказъ Исаченко. Австрійскіе санитары проблудили всю ночь, были въ двухъ мѣстахъ, гдѣ раньше находились ихъ санитарные пункты, но фронтъ подъ нашимъ неожиданнымъ натискомъ перемѣстился, и австрійскіе санитары не нашли лазаретовъ тамъ, гдѣ они ихъ искали. А такъ какъ имъ приказали безъ бинтовъ и медикаментовъ не возвращаться и добыть

ихъ во что бы то ни стало, то они и рѣшили, по собственному почину, добыть ихъ у насъ.

— Я полагаю, что они просто порѣшили сдаться въ плѣнъ, не желая возвращаться съ пустыми руками,—высказалъ свое мнѣніе прапорщикъ.—Предлогъ у нихъ былъ, и довольно приличный: дескать, къ вашему благородству прибѣгаемъ, а вы, какъ знаете.

Ну, а какъ командиръ?—спросилъ Поликарповъ.

— А онъ, посовѣтовавшись съ нашимъ докторомъ, рѣшилъ, къ великому, должно быть, огорченію австрійскихъ санитаровъ, поступить благородно.

— То-есть?

— То-есть, снабдить ихъ медикаментами и отпустить съ миромъ.

— Да у насъ ихъ самихъ недостача, подвоза нѣтъ, обозы отстаютъ. Какъ же это?

— Намъ нужно, а имъ, видимо, нужнѣе. Подѣлимся,—сказалъ прапорщикъ и весело усмѣхнулся.—Вотъ такъ штука! Непремѣнно напишу объ этомъ случаѣ домой. Уди-ви-тель-но! То враги, а то: «Не будете ли вы любезны занять намъ медикаментовъ». Символично, можно сказать. Да вотъ они ѣдутъ.

Австрійскихъ санитаровъ съ завязанными глазами провели мимо насъ. Черезъ сѣдла ихъ лошадей были переброшены узлы. Лица австрійцевъ были хмуры и злы; у старшаго, рыжеусаго, подергивалась отъ злости вся нижняя, видная изъ-подъ повязки половина лица. Младшій, совсѣмъ безусый и черный, какъ цыганъ, проходя мимо насъ, споткнулся и буркнулъ

— Zum Teufel!

— Да, ты, другъ, легче шагай,—сказалъ солдатъ, взявъ его подъ руку.—А то невзначай и носъ расшибешь.

Санитаровъ вывели за передовую цѣпь пикетовъ, развязали глаза и отпустили. Они нехотя, чуть ли не шагомъ, поѣхали прочь. Проводившіе ихъ солдаты вернулись.

— А знаете, ребята, чего у меня просилъ чернявый-то? разсказалъ солдатъ.

— Ну?

— Жрать просилъ. До смерти, баеть, голоденъ.

— Какъ же ты его понять могъ, ежели онъ не по нашему говорить?

— Какъ не понять? Про жратву ежели, такъ всякъ человекъ пойметъ. Открылъ онъ ротъ, поже-

валъ, потомъ на животь показаль и завылъ, точно волкъ. Понятное дѣло—жрать охота.

— А ты ему что?

— Да что? Отдалъ ему свои сухари. Жри на здоровье.

— Правильно.

Взошло солнце, яркое и веселое. Рожки затрубили сборъ. Далеко, далеко, за лѣсомъ, вспыхнулъ и всплылъ къ небу бѣлый дымокъ, за нимъ другой, третій, и скоро весь горизонтъ унизался дымками. Тамъ начался артиллерійскій бой, но канонада не долетала еще сюда. Было свѣжо, бодро, хотѣлось шагать по буровато-бѣлому талому снѣгу, шагать мѣрно, подъ команду: «Лѣвой-правой».

Солдаты, напяливая амуницію и собираясь въ походъ, все еще дѣлились впечатлѣніями минувшей ночи. Туляки, вятчи, костромичи, суровые, неуклюжіе, съ корявой, спотыкающейся рѣчью, съ закорюзлыми руками, покрытые грязной корою, пропахнушіе овчиной и потомъ, съ обвѣтренными лицами, съ бородами, сбившимися въ войлокъ, съ напряженно сосредоточенными взорами сѣрыхъ и синихъ глазъ, съ грубыми хватками, съ привычкой къ матерщинѣ и циничной брани,—туляки и вятчи такъ же просто шли сейчасъ въ бой, на смерть, какъ просто этой ночью, только что, пожалѣли раненаго нѣмца, врага, какъ дѣлились нимъ послѣдними сухарями, какъ одобряли поступокъ начальства, отдавашаго врагамъ медикаменты.

Затерянный между ними, простыми людьми, я былъ одинъ, прочитавшій много хорошихъ книгъ, видавшій много красоты въ жизни и въ книгахъ, но, пораженный, подавленный простой, но могучей красотой и величіемъ русскаго духа. Я вспомнилъ лицо Христа, спустившагося на поле брани: у Него были такіе простые, любящіе и страдающіе любовью глаза, какъ у Максютова, какъ у Ликина, какъ у всѣхъ этихъ сѣрыхъ людей. Я вспомнилъ ихъ ночные разговоры о плачущей землѣ, объ оправданіи крови, о любви къ врагу, вспомнилъ, какъ пензенецъ-солдатъ пожалѣлъ раненаго врага, а другой солдатъ накормилъ его, и стало жаль, зачѣмъ я не Максютовъ, или Ликинъ, и стало страшно думать о томъ, что я буду дѣлать въ жизни, если уцѣлѣю и вернусь домой къ обычной обстановкѣ, къ книгамъ, въ

шумный каменный и холодный Петроградъ.

— Стройся!—раздалась команда.

Солдаты въ измятыхъ шинеляхъ и фуражкахъ блиномъ, сѣрые и невзрачные, стали въ ряды и пошли, не торопясь, мѣрнымъ шагомъ впередъ, къ Н., такъ же, какъ они шли къ Равѣ, къ Синявѣ, къ Стрыю. И солнце такъ же свѣтило, какъ тогда, и воздухъ былъ также чистъ и свѣжъ, только было въ душѣ что-то новое, лучъ какой-то, просторно было въ душѣ, потому что упала съ нея книжная короста, забыты навсегда формулы и схемы, и духъ живой, творящей жизни, идущій отъ этихъ тульскихъ и пензенскихъ мужиковъ, смѣнившихъ зипуны и лапти на мундиры и сапоги, проникъ глубоко-глубоко въ сердце и переродилъ его...

Я. Окуневъ.

Вильгельмъ и кн. Юсуповъ.

Назначение князя Юсупова главноначальствующимъ города Москвы пришло кайзера въ недоумѣніе и негодование:

— Какъ? — воскликнулъ Вильгельмъ: — Развѣ князь Юсуповъ не

въ тюрьмѣ? Развѣ онъ не подписалъ бумагу, обязующую его остаться на вѣчныя времена у насъ?.. Подать сюда виновниковъ!

«Виновникомъ», по разслѣдованіи, оказался офицеръ, которому «поручена» была семья князя Юсупова.

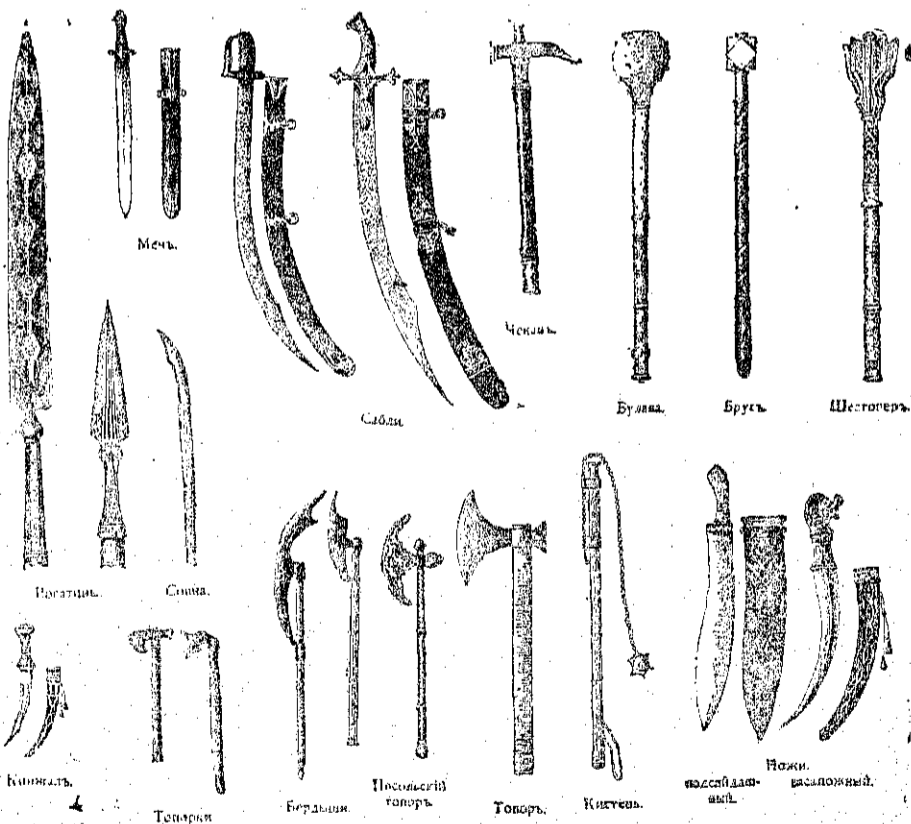
Но предстать предъ грозными очами императора «виновникъ» не могъ: онъ давно палъ въ бою въ Восточной Пруссіи.

Арестъ князя Юсупова и предложение, сдѣланное русскому князю Вильгельмомъ — остаться навсегда въ Германіи—не анекдотъ, а самый подлинный фактъ.

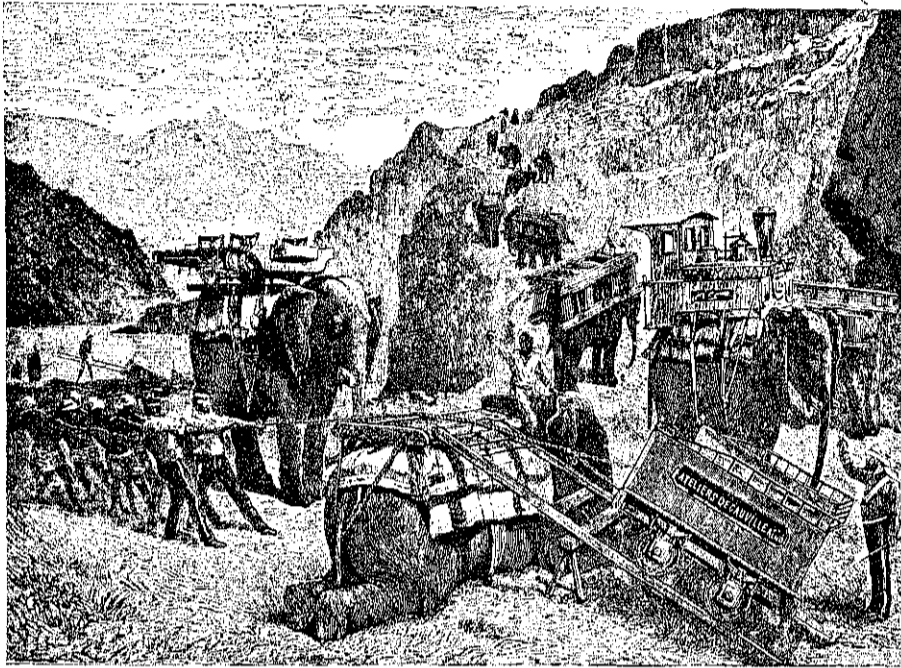
Вотъ вкратцѣ эта исторія.

Наканунѣ объявленія войны, кн. Юсуповъ, находящійся въ Киссингенѣ вмѣстѣ съ больною женою своею, страдающею сердечными припадками, и съ невѣсткой, княгиней Ириной, спѣшно выѣхалъ въ Берлинъ, захвативъ съ собою и многихъ растерявшихся русскихъ, между которыми были и бѣдные.

Послѣ тяжелаго, долгаго переезда, семья Юсуповыхъ остановилась въ гостиницѣ «Континенталь», откуда больная княгиня Ирина телефонировала во дворецъ къ наследственной принцессѣ Цециліи, ея кузинѣ, рассказавъ ей всѣ неприятности, переживаемыя ими. Принцесса Цецилія

Старинное русское холодное оружіе съ древнѣйшихъ временъ.

Англійскій складной военный поѣздъ на слонахъ въ Анганистанѣ.

и княжна Ирина Александровна, супруга сына князя Юсупова—друзья дѣтства. Естественно, что принцесса Цецилія обѣщала все устроить къ вечеру.

Въ это время въ гостиницѣ полицейскіе арестовали всѣхъ русскихъ, заперевъ ихъ въ маленькую комнату, съ запрещеніемъ выходить, и не разрѣшая имъ ни пить, ни ѣсть. Были арестованы всѣ, даже молодой князь Юсуповъ.

Спустя нѣкоторое время, принцесса Цецилія сообщила, что императоръ Вильгельмъ ни за что не хочетъ отпустить семью Юсупова изъ Германіи, и рѣшилъ объявить ее военнопленной—съ предложеніемъ выбрать мѣсто для своего пребыванія въ Баденъ-Баденъ, въ Гамбургъ или Висбаденъ, и что въ этомъ духѣ князь Юсупову будетъ принесено предложеніе со специально посланнымъ адъютантомъ кайзера, который предъявитъ князю для подписанія большой документъ.

И, дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время князю Юсупову былъ предложенъ документъ, въ которомъ князь обязывался отказаться отъ русскаго подданства и остаться на вѣчныя времена въ Германіи.

Князь расхохотался и оттолкнулъ это предложеніе, предложивъ агенту оставить его въ покоѣ.

Испанскій посланникъ, прочитавъ эту бумагу, тоже разсмѣялся нелѣпости предложенія, и князь отправился въ посольство, гдѣ уже толпи-

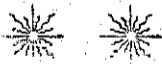
лась масса застигнутыхъ врасплохъ русскихъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, нашъ посланникъ Свербевъ предложилъ семьѣ Юсуповыхъ слѣдовать съ его поѣздомъ и внести ихъ имена въ списокъ лицъ, сопровождавшихъ уѣзжавшее русское посольство.

Всѣмъ извѣстна грубость и низость нѣмцевъ, дошедшихъ до того, что они плевали въ лицо уѣзжавшимъ чинамъ посольства и дамамъ, —и даже ударившихъ палкой Храповицкаго и жену совѣтника посольства, графиню Бревьеръ-де-ла-Гарди.

Автомобиль князя Юсупова не трогали, благодаря ветхости экипажа, думая, что это ѣдетъ посольская прислуга. Съ большимъ волненіемъ всѣ усѣлись въ поѣздъ и добрались до границы, которую благополучно переѣхали.

Въ дальнѣйшемъ семья князя Юсупова слѣдовала въ поѣздѣ Государини Императрицы Маріи Федоровны и была свидѣтельницей необычайной тевтонской наглости, сказавшейся въ томъ, что толпа бросала камни въ царскій поѣздъ.

Пережитое княземъ Юсуповымъ и его семьей могло бы служить оправданіемъ даже и нѣкоторой суровости по отношенію къ московскимъ нѣмцамъ.

БЕЗЪ АМПУТАЦІИ.

(Леченіе въ старину).

Въ запискахъ дѣйств. т. совѣтн. Александра Андреевича Половцова—(род. 1805 года, сконч. 1892 года). Значительный интересъ представляетъ рассказъ о томъ, какъ врачи приговорили его къ смерти, если онъ не согласится отрѣзать обѣ ноги, и какъ авторъ вылѣчился простымъ народнымъ средствомъ, доживъ до глубокой старости.

Въ 1818 году, 13 лѣтъ отъ роду, онъ былъ зачисленъ кондукторомъ въ инженерный корпусъ и назначенъ въ СПб. инженерную команду, помѣщавшуюся въ крѣпости, куда ежедневно онъ ходилъ отъ Спаса Преображенія черезъ Неву во всякое время года на службу съ тесакомъ, въ киверѣ и тяжелыхъ кожаныхъ крагахъ. Въ 1819-мъ году онъ поступилъ въ Главное Инженерное училище, организованное вел. княземъ Николаемъ Павловичемъ.

Въ 1821-мъ году, декабря 5-го, произведенъ въ прапорщики 7-го піонернаго батальона, и по случаю готовящейся Италійской компаніи отправленъ въ крѣпость Бендеры, гдѣ былъ тогда штабъ батальона. Была зима совершенно безснѣжная, и 10-го февраля 1822 г. Александръ Андреевичъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ бричкѣ на колесахъ. Можно представить, какъ 17-ти лѣтній юноша съ своею офицерскою поклажею, по дорогамъ и станціямъ того времени, проѣхалъ 1,700 верстъ одинъ на перекладныхъ.

Въ Бессарабіи Половцовъ, получивъ свой взводъ, долженъ былъ ежедневно быть на ученьѣ, которое въ то время велось съ суровою строгостью.

Обученіе ружейнымъ приѣмамъ въ 12 темповъ для заряженія пошло скоро, но съ плаваніемъ было трудно. Учителями были австріяки и поляки; скаканіе въ воду съ разныхъ высотъ и движенія въ водѣ, длившіяся до часа, 6-ти кратное переплываніе Вислы, наконецъ, плаваніе въ одеждѣ, оказались неодолимы, особенно для офицеровъ.

Въ октябрѣ 1824 года пріѣхалъ въ Варшаву Великій Князь Михаилъ Павловичъ, которому Цесаревичъ Константинъ Павловичъ пожелалъ представить, между прочимъ, школу плаванія. Генераль-фельдцейхмейстеру артиллеріи хотѣлось на дѣлѣ

видѣть распоряженія генераль-инспектора инженеровъ, — саперныя и пионерныя команды, присланныя изъ Россіи, были всего любопытнѣе. Смотръ пловцовъ назначенъ 10-го октября, когда въ водѣ было 10 градусовъ, но офицеровъ, могущихъ плыть передъ фронтомъ, не оказалось, и на Половцова обрушились общія просьбы: товарищей, учителей и команды.

Подпоручикъ Половцовъ былъ осыпанъ благодарностью высшихъ, равныхъ и низшихъ, что на 21-мъ году возраста казалось торжествомъ выше всѣхъ наградъ. Не прошло недѣли послѣ того, какъ у бойкаго пловца явилось лифматическое воспаление въ колѣняхъ, домашнія средства и лѣченія оказались слабы, и докторъ Ходоровскій рѣшилъ перевезти больного въ Уздовскій военный госпиталь.

Тамъ, послѣ многихъ ваннъ и опытовъ, 7 докторовъ съ главнымъ медикомъ Флоріо, окруживъ постель больного, послѣ долгихъ совѣщаній, тщательнаго осмотра и изслѣдованія болѣзни, единогласно присудили отнять обѣ ноги выше колѣнъ. Половцовъ, понимавшій по-латыни, узналъ ихъ приговоръ и когда Флоріо спросилъ его согласія, то отвѣчалъ, что предпочитаетъ лучше умереть.

Въ тотъ же день вечеромъ явился къ больному виленскій студентъ, Очановскій, едва пріѣхавшій въ Варшаву, и спросилъ:

— Правда-ли, что Вамъ хотять отнять обѣ ноги?

— Да.

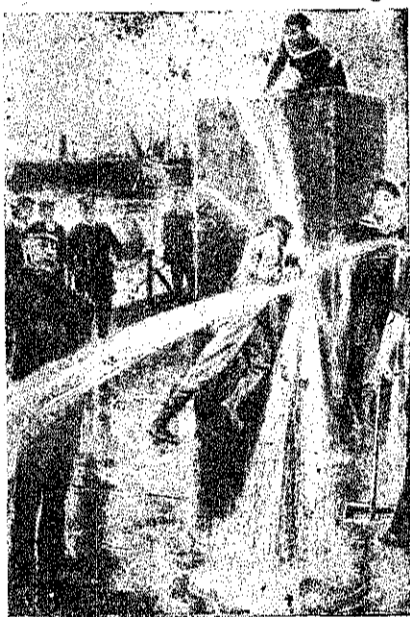
— Какъ это можно; попросите у нихъ припарокъ изъ льняного сѣмени.

Сказалъ и ушелъ. Половцовъ такъ и сдѣлалъ. Когда на другой день тѣ же 7 докторовъ, съ главнымъ во главѣ, подошли къ постели, больной попросилъ припарокъ, всѣ съ улыбкой пожали плечами, а ординаторъ немедленно распорядился. Ровно черезъ двѣ недѣли больной былъ на костыляхъ, а черезъ мѣсяцъ вышелъ здоровымъ!

ГЕРМАНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ РОССІИ.

По произведенному въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разслѣдованію, оказалось, что германцы въ Россіи владѣли колоссальными земельными участками. Такъ, въ Таврической губерніи нѣмцамъ принад-

лежало 633.420 десятинъ земли; въ Херсонской — 528.594 дес.; въ Бессарабской—201.351 дес.; въ Волынской—175.039 дес.; въ области Войска Донского—155.562 дес.; въ Екатеринославской губ.—48.914 десят.; въ Петроградской губ.—32.201 дес. и т. д. Сюда, конечно, не входятъ тѣ обширныя земли, которыя принадлежатъ нѣмцамъ фактически, имѣя фиктивныхъ владѣльцевъ. Въ общемъ, нѣмцы владѣли въ Россіи площадью земли около 3-хъ миллионныхъ десятинъ, не считая городскихъ земельныхъ участковъ.

Обученіе матросовъ англійскихъ судовъ накладыванью пластырей на пробитыя судовыхъ корпусовъ.

ЖЕНЩИНЫ - НОЧНЫЕ СТОРОЖА.

Недостатокъ въ людяхъ даетъ себя съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе чувствовать въ Германіи.

Вслѣдъ за женщинами-пожарными, мы ихъ видимъ сейчасъ въ Берлѣ въ роли ночныхъ сторожей.

Женщины-ночные сторожа носятъ большое манто и форменную каскетку и ходятъ въ сопровожденіи дрессированной собаки.

Отличаются онѣ отъ мужчинъ-сторожей лишь вооруженіемъ. Въ то время, какъ тѣ были вооружены кинжаломъ и револьверомъ, женщины-сторожа носятъ резиновый жгутъ или кожаный ремень.

ВЪ ТИХИ СВИТЕЛИ.

Монастырь стоитъ высоко-высоко, на горѣ. Бѣлая церковь съ золотымъ куполомъ пріютилась на краю мѣловой скалы, надъ голубой рѣкой. Кудрявится по склонамъ днкіи орѣшники и подзѣтъ, цѣпляясь за вѣтки деревьевъ, пышный виноградъ.

Съ колоколенъ плыветъ звонъ, пѣвучій и протяжный и слышно тихое-тихое пѣніе, доносящееся въ котловину, гдѣ бѣлѣютъ мазанки, шеголяя рѣзнымъ узоромъ ставень.

Жизнь въ монастырѣ тиха и однообразна, какъ эта голубая рѣка, опоясавшая горы лентой едва струящихся водъ.

Въ жизни иноковъ есть одно развлеченіе: письма отъ послушниковъ-воиновъ.

Приходятъ эти письма очень рѣдко и написаны они немного страннымъ, полу-монашескимъ, полу-солдатскимъ языкомъ.

«Истинно скорблю... «Послалъ Господь искупленіе... «Рабъ смиренный и недостойный», и рядомъ съ этимъ «Какъ грянули они это, значить, на насъ,—во какъ, грудью впередъ!.. Ну, тутъ держись, христоклюбовое воинство! Однако, продержались и полка своего не посрамили. А тутъ и пушки ихнія зачехали»...

Читаютъ монахи эти письма долго, съ разстановкой, вглядываются въ строчки, набросанныя вкривъ и вкось, покачиваютъ черными клубуками и вздыхаютъ.

Далеко все это происходитъ и такъ непохоже на мирную монашескую жизнь...

Здѣсь колокольный звонъ, ранняя обѣдня, поздняя обѣдня, часы, вечерня, долгая монастырская служба, запахъ ладана, мягкій и кроткій блескъ лампадъ... А тамъ... Да развѣ можно представить себѣ, что такое «тамъ», и почему «тамъ» кажется такимъ зловѣще-грознымъ и обвѣяннымъ жуткой тайной.

Письма бывшихъ послушниковъ чаще всего читаетъ отецъ Ардаліонъ. Онъ по части грамотности первый мастеръ.

Иноки слушаютъ и потомъ, передъ вечерней, столпившись на паперти у входа въ соборъ, рассказываютъ крестьянамъ-богомольцамъ, пришедшимъ снизу, изъ той котловины, гдѣ бѣлѣютъ мазанки, о томъ, что пишутъ съ войны.

Рассказываютъ сбивчиво, съ уклоненіями, съ собственными вставками, съ неожиданными комментаріями:

— Братъ Варлаамъ на-дняхъ тоже писалъ... Въ польскомъ краѣ они были... въ католическомъ... А только церква

Среди наших друзей-японцев. Въ ресторанѣ въ Токио.

пишетъ, униатскія и священники тоже униаты... Я такъ полагаю, что это старинная вѣра, изъ чужихъ земель занесена. А народъ, пишетъ, совсѣмъ, какъ нашъ... И по нашему понимаютъ. Какъ отходили мы, такъ за нами цѣлымъ таборомъ шли. Будто цыгане. Тутъ тебѣ и повозки, и волю, и скарбъ домашній и все, что въ хозяйствѣ у нихъ полагается... Ребяшки плачутъ... Охъ, искушеніе!..

Инокъ вздыхаетъ и, придерживая отъ вѣтра развѣвающіяся полы рясы, проходить въ соборъ.

Его рассказъ продолжаетъ другой.

— А то еще отъ брата Аристарха письмо было. Тотъ про нѣмцевъ больше, и что это за народъ, прости Господи! До всего дошпионивши! Возьметъ это генералъ ихній, въ русскую полковничью форму переодѣнется и пойдетъ по обозамъ шнырять. По своимъ, значить, обозамъ. Остановитъ какой больше, и ну слѣдствіе наводить... Какъ, да что, да куда?... Обо всемъ-то доводится!

Чей-то голосъ нерѣшительно допытывается:

— А зачѣмъ ему въ русскую форму переодѣваться! Убьютъ, вѣдь!

Инокъ нерѣшительно поясняетъ:

— А чтобы грознѣй было! Своему-то, нѣмецкому генералу, можетъ, и не отвѣтили бы, ну, какъ вражескій, такъ тутъ ужъ заговорить! Тутъ ужъ-шутки плохія! Въ случаѣ что не такъ, и въ нѣднѣ попадешь.

Рассказчикъ смолкаетъ, привычнымъ жестомъ оправляетъ русые волосы и

бросаетъ на ходу:—Дивны дѣла Твои, Господи!

Богомольцы медленно идутъ въ соборъ. У входа долго копошатся, развязывая узелки платковъ и звякая мѣдными монетами. Покупаютъ свѣчи и дрожащими руками бережно ставятъ ихъ у почернѣвшихъ иконъ... И кладутъ поклоны, касаясь лбомъ каменныхъ плитъ, и шепчутъ что-то беззвучно шевелящимися губами.

ВОЙНА И ДЕТИ.

Маленькій барабанщикъ.

А въ глазахъ — скорбь и пламенная вѣра. Почти у каждого есть кто-нибудь на кровавыхъ поляхъ, за кого болитъ сердце и за кого хочется молиться день и ночь...

Спускаются синія сумерки и вспыхиваютъ огоньки вдоль зеленыхъ береговъ.

Наглухо закрываются узорчатая ставни оконъ и въ бѣлыхъ мазанкахъ наступаетъ темнота.

У ограды хутора, потонувшаго въ ивняхъ и яблоняхъ, слышны голоса. Кто-то, пришедшій изъ монастыря, отъ вечерни, рассказываетъ своими словами то, что слышалъ отъ иноковъ.

Рассказываетъ такъ:

— Пишетъ съ войны братъ Варлаамъ, что церкви въ томъ краю униатскія. И думаю я такъ: униатская—это все равно, что наша православная, только что, конечно, у униатовъ свѣчи парафиновыя, а у насъ, значить, восковыя. Только и различія!

Невидимые слушатели молчатъ, а рассказчикъ постепенно воодушевляется.

— И ѣздятъ, значить, германскіе генералы по своимъ обозамъ, въ русскую полковничью форму переряженные. Остановитъ обозъ и кричитъ: Продавай, такой-сякой! Ну, у обознаго начальника, значить, руки затрясутся, душа въ пятки, «видитъ», дѣло плохо; противъ русскаго полковника не пойдешь,—а того не смекаетъ, что не русскій это, а свой,—и говоритъ:

— Продамъ!

— За сколько?

— За пять милліоновъ.

— Получай.

Отсыплеть ему, значить, германскій генералъ, русскимъ переряженнымъ, фальшивымъ золотомъ, а обозъ себѣ забережетъ. Ну, потомъ, конечно, и распродадетъ по малостямъ, что тамъ въ обозѣ было. Смотришь, капиталъ себѣ и сколотить!

Кто-то изъ слушателей недоверчиво тянетъ:

— Та-акъ... Пять милліоновъ, говоришь! Золотомъ? Это на сколько же пудовъ у него золота-то въ карманахъ было? Поди и кармановъ такихъ нѣтъ, чтобы такую тяжесть удержать! Пять милліоновъ! Шутка ли!

Въ темнотѣ не видно, какими глазами смотритъ скептикъ на рассказчика, но рассказчикъ сконфуженно молчитъ.

Е. Руссатъ («П. К.»).

Черногорскія женщины въ прошлую русско-турецкую войну.

ВОЗРАСТЪ ГЕРМАНСКИХЪ ГЕНЕРАЛОВЪ.

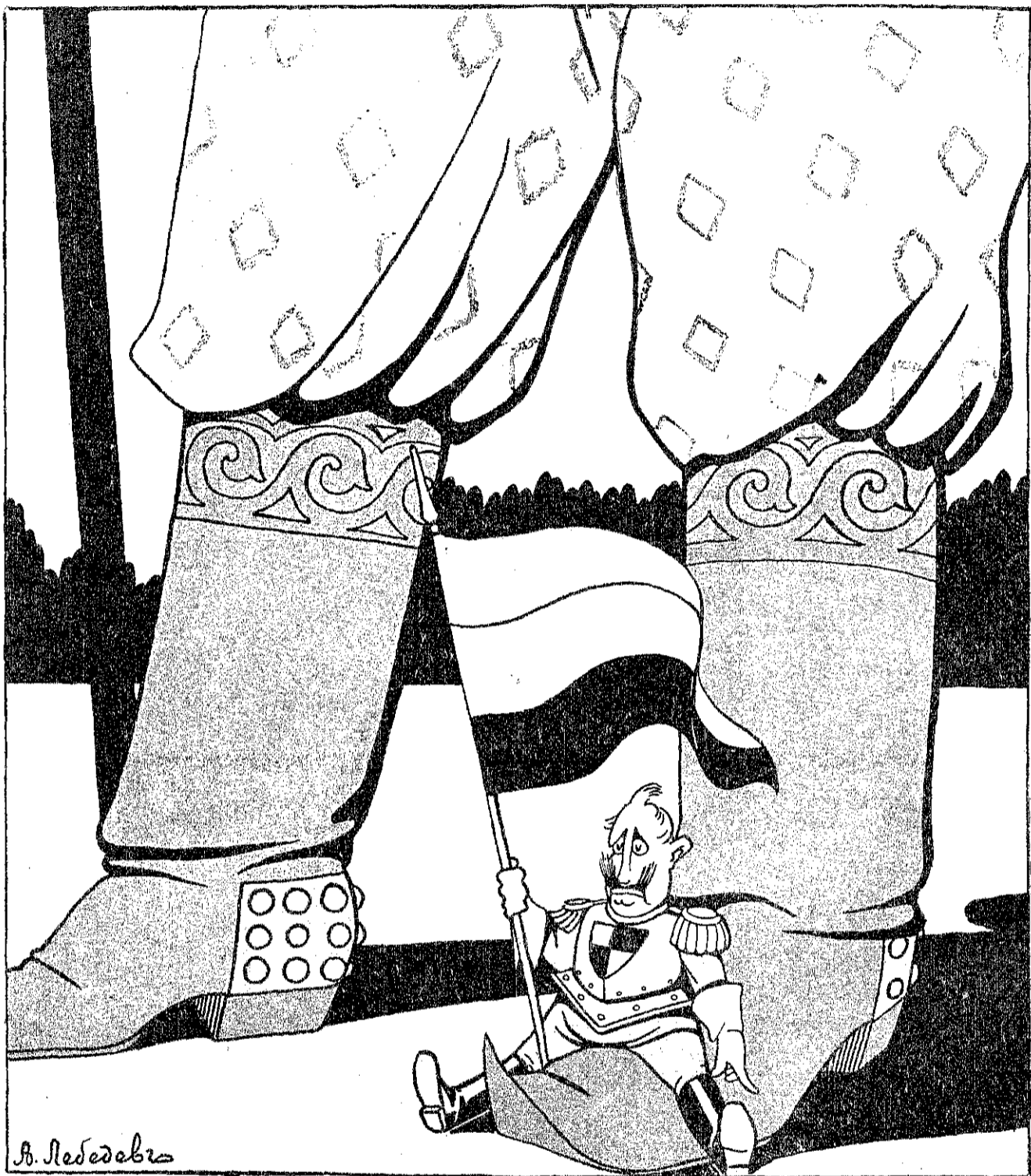
Органъ английскихъ либераловъ «Westminster Gazette» отмѣчаетъ, что высшій командный составъ германской арміи опровергаетъ установившійся взглядъ на необходимость устранять генераловъ по достиженіи ими предѣльнаго возраста. Выдѣлившіеся своей дѣятельностью герман-

скіе генералы почти всѣ перешли этотъ возрастъ. Генералу Гезелеру 79 лѣтъ; фонъ-дёръ-Гольцъ-нашъ—72; Гинденбургу—68, Макензену—66; фонъ-Клюку, принцу Леопольду Баварскому, фонъ-Бюлову и фонъ-Гаузену—по 69; фонъ-Биссингу и Фалькенгаузену—по 71; Войеригъ, Эйхгорнъ, Эммихъ и Мольтке достигли возраста въ 67 лѣтъ. Моложе ихъ генералы Линзингенъ—65 лѣтъ; Геерингенъ—65; Шольцъ—64;

Гальвицъ—63; Беловъ—62; Эйнемъ—62 и начальникъ генеральнаго штаба Фалькенгайнъ—54 года.

Особнякомъ стоятъ генералы—наслѣдные принцы Виртембергскій, Баварскій и Прусскій, имѣющіе всего 50, 46 и 33 года.

КАЙЗЕРЪ: «Итакъ, я занялъ часть Россіи... если она будетъ стоять спокойно.»

	„НИКОЛАЙ ЛИНДЕНЪ“		
Невскій, 83. Петроградъ.	По крайне удешевленнымъ цѣнамъ.		